

Татьяна Устинова — первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори «Всегда»
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного
Селфи с судьбой
Земное притяжение
Призрак Канта
Звезды и Лисы
Серьга Артемиды

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Татьяна
УСТИНОВА

Большое зло

и мелкие

пакости

МОСКВА

2 0 2 0

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *А. Антонова*

Под редакцией *О. Рубис*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Большое зло и мелкие пакости / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-110388-0

Министр по делам печати и информации Потапов решил поехать на вечер бывших выпускников неожиданно для себя. Просто рано освободился. Он пожалел о своем идиотском порыве сразу, как только в школе поднялся переполох вокруг его особы. После вечера он вышел на школьный двор следом за Марусей Сурковой, у которой когда-то списывал. И тут раздался хлопок, и Маня упала. Потапов подхватил ее из лужи крови и, не слыша криков охранника, повез в Склифосовского. Он был уверен — пуля предназначалась ему. Странно, но кто мог знать, что он поедет в школу? Вот и следователь считает: покушались именно на Марусю. Только кому она нужна?..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110388-0

«Самый верный способ получить ответ — это задать вопрос».

Ирландская поговорка

Толпа, высыпавшая на школьный двор и разом заполнившая его, была довольно многочисленной. Бывшие выпускники еще что-то договаривали друг другу, курили и хохотали. Жидкий свет уличных фонарей разгонял темноту только с середины асфальтового пятачка, на котором толпился народ, а за чахлыми кустиками живой изгороди, которую с маниакальным упорством пыталась вырастить бессменная «ботаничка», колыхалась плотная мартовская темень. Школа сверху донизу сияла непривычными для этого часа огнями, но они не разгоняли, а уплотняли окружающую тьму.

Можно работать. Никто ничего не заметит.

Пистолет лежал в ладони легко и удобно. Кожа чувствовала привычные шероховатости металла, и это было как бы знаком того, что работа будет сделана хорошо.

Еще секунд сорок. Пусть с крыльца спустятся все, кто там застрял. Чем больше народу, тем лучше, удобнее.

У ворот много машин. Это тоже неплохо. Декорации должны быть как можно более значительными, тогда они отвлекают на себя внимание, и само действие уже мало кого интересует.

Водитель «Мерседеса», который был припаркован ближе всех, запустил двигатель, очевидно, заметив хозяина.

Значит, осталось совсем немного.

Раз. Два. Три...

— Ну что? Ты уезжаешь или остаешься?

— Как остаешься? А что, кто-нибудь остается?
— Ну конечно! Только что договаривались в бар пойти, посидеть еще немного. Время-то...
— Ребята, ну что мы решили?
— Дин, ты с нами или уезжаешь?
— Я даже не знаю, я домой собиралась...
— Вовка, а ты?
— А Димка Лазаренко где?.. Он тоже вроде соби-
рался!

...шесть, семь, восемь...

До десяти.

Помешал резкий неучтенный в плане операции звук.

За спиной затормозила машина, хлопнула дверь, и пришлось оглянуться, чтобы посмотреть, что происходит.

Широкозадая и кургузая «Тойота» остановилась прямо посреди проезжей части. Пассажирская дверь распахнулась, из нее деловито выбирался мальчишка. Кто-то руководил им с водительской стороны, из-за машины не было видно, кто именно.

— Федор, не беги через дорогу! Сначала посмотри! Не спеши, ты слышишь меня или нет?!

— Да я ее уже вижу!

— Где?

— Вон она! Мама! Ма-ам!

— Федор, я здесь!

Так. Этого не должно быть. Никаких детей тут быть не должно. Сейчас он побежит, и вся работа сорвется, а второго такого случая может не представиться.

Сейчас.

Пистолет как будто потяжелел в руке. И стал очень горячим.

— Так что, ребята? Кто куда идет?

— Да мы вот собираемся...

— Дмитрий Юрьевич, спасибо вам большое за то, что вы нашли время...

Выстрел был почти неслышен — резкий хлопок, и только. Расчет был правильный. Никто ничего не

понял. И все-таки в последний момент помешал этот чертов мальчишка. Рука дрогнула, не подчиняясь.

— Ма-ам!

Толпа внезапно как-то странно шарахнулась, подалась куда-то, и в ее сердцевине начал закручиваться вопль. И в этот вопль, как в центр смерча, стало затягивать все — смех, говор, урчание двигателей, припадочные моргания фонаря на столбе... И от «Мерседеса» уже кто-то бежал, на ходу доставая пистолет, и вопль перерос в визг, и люди бросились врассыпную, как при бомбежке.

Только одна скрученная фигура осталась на освещенном асфальтовом пяточке.

Вокруг нее растекалась черная лужа, и ей некуда и незачем было бежать.

Коридор все сужался, и стены наваливались, мешая дышать. Пыльная и сухая труба, по которой скользила рука, становилась все горячее, и страшно было, что в темноте рука может наткнуться на что-то еще, кроме этой трубы, но невозможно было убрать руку, оторваться от горячей металлической твердости. Тогда не осталось бы ничего, что пока еще сдерживало панику, скрученную в тугую и колкую спираль где-то ниже горла. Если дать ей развернуться, она выхлестнет наружу, ударит, проткнет насквозь, и тогда — все.

Конец.

Нужно идти. Осталось совсем немного.

Нет. Это вранье. Никто не знает, много ли еще осталось, но выхода нет, все равно нужно идти.

А если уже некуда идти? А если стены надвинутся так, что придется ползти, задевая черепом за каменный потолок, а потом уже будет не выбраться? И кончится воздух, и жаркая темнота вползет в голову, в легкие и пожрет то прохладное и свободное, что там еще осталось?! А осталось там совсем немного.

Возвращаться нельзя. И нельзя посмотреть назад.

Пот тек по лбу, скатывался за воротник и противно высыхал за ухом.

Нет. Не дойти. Стены все ближе, воздуха все меньше, труба все горячеей, волосы скользят по близкому душному потолку.

Сейчас ударит развернувшаяся спираль паники, и тогда — все.

Зачем, зачем?! Как все бессмысленно, и как все глупо!

Плечи одновременно коснулись стен, трясущаяся рука внезапно нащупала что-то странное, явно не металлическое, высушенное, но бывшее когда-то живым, как скальп индейца, и паника наконец ударила.

Крик сгустился из черной духоты, а вовсе не был порождением измученных горящих легких. Крик толкнулся в уши, проткнул их насквозь, ворвался в мозг и затопил его до краев.

Какое-то время крик существовал как будто сам по себе, снаружи, а потом он оборвался.

И тогда стало еще страшнее.

За три часа до происшествия

— И чего тебя туда несет? — Алина качала ногой, облитой черной тканью колготок. Нога была хороша. Колготки — «Омса, серия велюр» — тоже ничего. Офисная юбка — все как полагается, английский кашемир до середины колена — на этот раз была легкомысленно задрана и открывала ровную, розовую даже под чернилами колготок гладкость Алининого бедра. Время от времени, стряхивая пепел с невиданной тонкости пахитоски, Алина с удовольствием поглядывала на собственную качающуюся ногу.

— Ну что ты там будешь делать? Встреча одноклассников! За каким чертом они тебе сдались, эти одноклассники! Чего ты там не видала?!

Маруся укладывала волосы феном перед раздвижным трехстворчатым зеркалом и от нетерпения мотала головой, отцепляя от волос постоянно путавшуюся в них щетку. Из одежды на ней были только трусы,

а все остальное еще предстояло найти, натянуть, оценить, одобрить или отвергнуть.

Нелегкая задача. Особенно когда «до бала» осталось двадцать минут. Впрочем, все как всегда.

— Лучше дай мне лак, — Маруся накрутила на щетку очередную прядь и решила, что ее хорошо бы обильно полить лаком. По задумке прядь должна была изящно спадать, или, как это называла Алина, «струиться», со лба на висок, и потому ей отводилась особая роль и, соответственно, требовалась *особая* форма.

Пошарив рукой и что-то с грохотом свалив с уголка столика, Алина сунула в ладонь подруге холодный длинный баллон.

— На. Подавись своим лаком. Я бы ни за что не пошла.

— Ты и не идешь, — сообщила Маруся резонно.

— А ты зачем идешь?

Маруся зажала баллон между колен и проворно схватила с подставки фен.

Алина пилила ее всю неделю. Как только узнала, что она собирается на «встречу друзей», так принялась ее пилить усердно и методично, день за днем. Маруся вздыхала и отмалчивалась, по опыту зная, что такая тактика единственно верная. Если начать Алине возражать — хлопот не оберешься. И главное, все равно все останутся при своем мнении.

— Алин, я сто лет нигде не была, а тут вполне законный повод. Встреча выпускников.

— Ну да, — согласилась та и с силой смяла в пепельнице остатки своей невиданной пахитоски, — повод. Не я ль тебя, душеньку, приглашала на прошлой неделе на презентацию этих... как они... ну, которые мебель продают... как же... Впрочем, хрен с ними. У них все как у людей было, в «Мариотте», с хорошей едой, с певцами и певицами, с увеселениями, с развозом! Что ж ты не пошла?

— Алин, ну в какой еще «Мариотт» я пойду людей смешить! У меня один выходной костюм. Я его в девяносто шестом году купила на рынке в ЦСКА.

— Мы его вместе купили, — буркнула Алина и, со-

скочив со стола, подошла и взяла у Маруси фен, — стой, не вертись, я тебе чуть-чуть поправлю...

— Ма-ам! — прогудел из соседней комнаты Федор. — Мам, ты не знаешь, где мой английский?

— В кухне на подоконнике, — тут же отрапортовала Маруся. — Если ты будешь по всему дому разбрасывать свои вещи, я...

— Знаю, знаю, — сообщил Федор уже из коридора, — ты все соберешь и выбросишь в мусорное ведро. Только я все равно и из ведра достану.

— А ты что, математику уже сделал?

— Да-а...

— Что-то я сомневаюсь. Алин...

— Ну конечно, — перебила подруга, накручивая на щетку следующую прядь, — первый раз, что ли!.. Математику проверим, английский согласуем, новые слова выпишем, старые повторим и только после этого станем в дурака играть!

— А может, сначала в дурака, а потом английский согласуем? — спросил Федор лукаво и сунул в дверь круглую башку.

Федору на днях стукнуло девять. Он был очень самостоятельным, несколько рассеянным мальчиком, обладал превосходным чувством юмора и учился на одни пятерки. Во-первых, потому, что это было легко, а во-вторых, потому, что ему нравилось доставлять удовольствие матери.

— Брысь! — шикнула на Федора Алина. — Не нервуй родительницу, а то она сейчас вообще никуда не пойдет, останется с нами английский учить.

— Нет уж, пусть идет! — перепугался Федор за дверь, и они засмеялись.

Алина выключила фен и стала осторожно и продуманно распределять по Марусиной голове только что сформированные пряди. Услышав, что в соседней комнате Федор, повздыхав, придвинул стул к столу, она попросила жалобно:

— Мань, я тебя умоляю, ты хоть с *ним* не разговаривай, что ли!.. Хотя, может, *его* вовсе и не будет.

Жалобный тон совершенно не шел ей, как будто

она по ошибке нацепила одежду с чужого плеча, но Маруся была благодарна ей за заботу.

— Ну, конечно, может, и не будет, — проговорила она успокаивающе, — что ты сама извелась и меня извела?! Я же не ради него иду! Все давно прошло, мне даже не интересно, будет он там или не будет.

— Я знаю! — возразила Алина, возвращаясь к прежнему энергичному тону. — Я все знаю, дорогая! Конечно, ты идешь не из-за него, но как только его увидишь, сразу сиганешь в какой-нибудь угол и там до конца вечера протрясешься. А я потом тебя буду коньяком отпаивать.

— Не хочу слушать никаких твоих выдумок, — сказала Маруся холодно, и Алина посмотрела на нее с жалостью.

Десять лет назад, на таком же вечере Маруся Суркова повстречалась с бывшим одноклассником Димочкой Лазаренко. Как водится, «после долгой разлуки».

«Разлука» длилась пять лет, прошедших после окончания школы, и за эти пять лет Маруся ни про какого Димочку ни разу не вспомнила. Почему-то на этой встрече Димочке пришлось в голову, что скальп Маруси Сурковой, бывшей отличницы, тихони и даже не синего, а «серого чулка», отлично украсит его коллекцию женских скальпов, собранную за солидную донжуанскую практику.

Скальп занял почетное место в галерее на удивление скоро, Лазаренко и сам не ожидал, что добыча окажется такой легкой и... не слишком интересной. Охотнику не пришлось часами лежать в засаде, вздрагивать при виде чуть шелохнувшейся ветки, с замиранием сердца рассматривать еще не заветренные следы у сердитой горной речки — глупая «серая зайчиха» доверчиво выскочила из леса прямо на сверкающее начищенной сталью дуло.

Димочку такие легкие победы не занимали. Несколько дней он забавлялся тем, что наблюдал, как дикий зверь становится все более ручным, домашним и милым, как начинает тереться головой о подставленную руку, как преданно заглядывает в глаза, ожи-

дая похвалы и ласки, как валится в траву, подставляя незащитный живот, как приучается выполнять команды, а потом ему все это надоело, и он зверя застрелил.

Просто взял и застрелил, равнодушно глядя в преданные умильные янтарные глаза.

Если бы не Федор, доставшийся Марусе от Димочки, вряд ли она пришла бы в себя так скоро. А может, и вообще не пришла бы.

Если бы не Федор, который должен был родиться, и не лучшая подруга Алина.

С тех пор прошло десять лет.

За эти десять лет Маруся иногда видела Димочку, но он никогда не видел Марусю, и ее лучшей подруге Алине очень хотелось, чтобы все оставалось по-прежнему. Она отнюдь не разделяла неожиданно взывавшее в Марусе желание ворошить прошлое, и даже боялась его.

Зачем ей понадобилась эта дурацкая встреча с одноклассниками?! Что за интерес встречаться с какими-то чужими, полужнакомыми, неинтересными людьми? Ладно бы еще нужда заставляла, а так, по собственной воле?! Сама Алина назад никогда не оглядывалась, в воспоминаниях не ковырялась и выражение «жить прошлым» ненавидела.

— Ты юбку погладила, мать?

— Вчера еще. Вон на кресле висит.

— Ты что, наденешь *эту* юбку?!

Маруся усмехнулась.

— Алин, у меня все равно другой нет. Вернее, остальные еще хуже. А на ту, в которой на работу хожу, я третьего дня кофе пролила и до химчистки еще не доехала.

— Как хочешь, — сказала Алина решительно, — но в этой идти нельзя.

У нее были свои, отличные от Марусиных, понятия о жизни и о том, в чем можно, а в чем нельзя идти на светский раут, коим ей представлялась встреча с одноклассниками. Маруся ее за это не осуждала.

Они дружили... сколько же?... лет двадцать, наверное, и столько же лет расходились во взглядах на ок-

ружающую действительность. Их дружбе это несколько не мешало, вопреки научным представлениям о невозможности «женской дружбы» вообще и о дружбе двух столь разных особей женского пола, как Алина и Маруся, в частности.

Алина окончила очень престижный, блатной и еще черт знает какой Институт международных отношений и процветала в должности генеральной директорши рекламного агентства.

Маруся пять лет уныло тянула лямку в МАИ, еле еле дотянув до диплома, ни дня по специальности не работала и вполне удовлетворилась ролью секретарши при большом начальнике. Начальник был редкостный хам и самодур, но выбора у Маруси не было. Ей нужно было добывать пропитание себе и Федору, а на Алинины предложения о трудоустройстве под ее начало Маруся не соглашалась. Работать кое-как она не умела, а проводить в офисе по двадцать часов, как Алина, не могла. Из-за Федора.

— Мань, не трясись ты головой, ей-богу! Мало того, что юбка — дерьмо, будет еще на голове овин!

— Да ладно, уже все нормально. Хватит. И опаздываю я!

— Ничего, опоздаешь. На такие мероприятия приходите вовремя неприлично.

— Это у вас там, в верхах, приходится вовремя неприлично, а в наших низах только вовремя и приходите. Опоздаешь, все без тебя съедят и выпьют...

Алина засмеялась и дернула Марусю за волосы.

— Не переживай. Мы с Федором что-нибудь организуем. В смысле съесть и выпить.

— Алин, — сказала Маруся серьезно, — спасибо тебе, конечно, но ты его все же в «Седьмой континент» не таскай. Он же еще не понимает ничего. Мне потом ему объяснять разницу в нашем материальном положении — себе дороже...

— Все он понимает, — буркнула Алина и пустила в Марусину голову длинную струю лака.

Она как раз собиралась повезти Федора в этот дурацкий «Седьмой континент». Федор любил мороженое с орехами, и тоненькие копченые колбаски, и

свежие огурцы, и огромные красные яблоки, а ей нравилось доставлять ему удовольствие. В конце концов, у них был один ребенок на двоих, и это именно она десять лет назад не разрешила Марусе сделать аборт. Иначе не было бы сейчас никакого Федора...

— Готово! — объявила Алина, недовольная собственными мыслями, и отступила на шаг, чтобы полюбоваться на преображенную Марусину голову, — можешь напяливать свою суперюбку!

Маруся была уже в дверях, когда подруга крикнула из кухни:

— Мы за тобой заедем! Во сколько там все заканчивается? В девять, как в детском саду?!

— Вроде в девять, — пропыхтела Маруся. Она завязывала ботинки, и говорить ей было неудобно. — Спасибо, Алин! Только в «Седьмой континент» вы все равно...

— Ладно-ладно, — появляясь в дверях, сказала та. В руке у нее была морковка. — Все ясно, не надрывайся.

Маруся посмотрела на нее и вздохнула. Ей было совершенно ясно, что подруга все сделает по-своему, включая заезд в этот чертов «Седьмой континент».

— Так мы тебя заберем! — крикнула Алина ей вслед, когда она уже сбегала по лестнице, и эхо ее голоса отразилось от влажных подъездных стен и, как мяч, поскокало впереди Маруси. — Ты в случае чего нас пожди!..

— Ладно! — Маруся, навалившись, распахнула тяжеленную подъездную дверь. Ветер взметнул «особую» прядь так, как будто она вовсе не была особой, и Маруся поняла, что все старания пошли прахом. Ну, если еще не пошли, то к моменту появления в школе обязательно пойдут — на улице было сыро и ветрено.

Вот, черт побери, везение!.. Когда она уходила с работы, было тихо, ни дождя, ни ветра. А лучшая подруга Алина отродясь не знала, какое на дворе время года — в ее машине климатические условия всегда были одинаково прекрасными, и она, формируя Марусину прическу, ветер и дождь не учитывала. Жалко,

что в кармане плаща нет никакого пакетика, приготовленного для хлеба. Его вполне можно было бы пристроить на голову, а при подходе к школе снять.

Перед ее мысленным взором моментально появилась она сама с целлофановым пакетом на голове, и Маруся громко захохотала, напугав какого-то смиренного дяденьку, тащившего огромную сумку, из которой свисали перья зеленого лука. Дяденька дико на нее взглянул и переметнулся на другую сторону тротуара. Наверное, решил, что Маруся имеет виды на его сумку с луком.

Да ладно. Черт с ней, с прической. Конечно, жалко Алинкиных усилий, а больше ничего не жалко. Что с прической, что без прически — один черт: Маруся Суркова была и осталась неинтересной серой мышью, сгорбившейся на задней парте.

Серый чулок. Отличница.

Моль облезлая, так ее дразнили классе в шестом, наверное. К десятому сжалились и дразнить перестали, но к этому времени Маруся уже сама была совершенно твердо уверена, что она «облезлая моль» и «серая мышь». Непонятно, помешала ей в жизни именно эта уверенность или помешало что-то вовсе другое, но как-то ничего у нее не складывалось так, как хотелось в юности.

В далекой юности, когда ее дразнили «облезлой молью» и «серой мышью».

Человек на противоположном тротуаре замедлил шаг и пропустил ее вперед. Сумка мешала ему, и было очень непривычно держать в руках что-то объемное и неудобное, да еще эти луковые перья!..

В местной школе сегодня торжественный вечер. Она тоже направляется туда. Поспешает. Бережет прическу. И шлейф заморских духов летит за ней в сыром и плотном воздухе. Он уже встретил не одну такую поспешающую барышню, пока таскался с этой идиотской сумкой вокруг этой идиотской школы.

Сегодня у всех были дела поблизости от школы. И у него тоже.

Не удержавшись, он сунул руку в недра влажного и холодного сумочного нейлона, под луковые перья, и